

Акстиния А

КОД МОРО: Миланский протокол

Акстиния А

КОД МОРО: Миланский протокол

«Автор»

2026

А А.

КОД МОРО: Миланский протокол / А. А — «Автор», 2026

Милан, наши дни. Династия Сфорца пятьсот лет правила городом с помощью ядов, брачных контрактов и наемных армий. Сегодня их оружие — хедж-фонды, нейросети и подиумы высокой моды. Когда дерзкий финтех-мессия Чезаре Борджиа объявляет им войну на бирже, семья отвечает в лучших традициях предков. Марко Сфорца носит доспехи от Brioni и сражается пресс-релизами. Его сестра Беатриче уничтожает врагов одним поднятием брови на Неделе моды. Хакер Лео взламывает империи через умные тостеры. А теневой патриарх Людовико Моро превращает шантаж в высокое искусство. Это история о том, как старые ренессансные волки адаптировались к цифровым джунглям. О яде, подмешанном в хештеги. О предательстве, упакованном в смарт-контракты. И о том, что настоящая власть измеряется не в евро, а в чужих секретах. Цинично. Стильно. Безжалостно. Добро пожаловать в семью, где Макиавелли носит Patek Philippe.

Содержание

Глава 1. Утро после апокалипсиса (Марко)	5
Глава 2. Совет Теней в Замке (Людовико)	9
Глава 3. Шелк и Контрафакт (Беатриче д'Эсте-Сфорца)	13
Глава 4. Тостер Судного Дня (Лео (Леонардо))	16
Глава 5. Свитер из Кашемира и Яд (Марко Сфорца)	20
Глава 6. Армия Папарацци (Беатриче д'Эсте-Сфорца)	23
Глава 7. Оффшорный Оракул (Людовико «Моро» (Мавр) Сфорца)	27
Глава 8. Юристы-Ниндзя (Марко Сфорца)	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Акстиния А

КОД МОРО: Миланский протокол

Глава 1. Утро после апокалипсиса (Марко)

Солнечный свет пробивался сквозь умные жалюзи моего пентхауса в районе Порта Нуова с настойчивостью инквизитора, требующего признательных показаний. Я лежал на шелковых простынях, которые стоили больше, чем моя первая машина, и пытался вспомнить, как меня зовут и почему моя голова весит примерно столько же, сколько бронзовая статуя кондотьера перед Дуомо.

Во рту стоял вкус выдержанного бароло, устриц и глубокого экзистенциального кризиса. Вчера был ежегодный благотворительный бал *Sforza Holdings*. В моей памяти всплывали обрывочные кадры: я помню тосты. Помню, как Беатриче, моя невестка и по совместительству глава нашего модного конгломерата, публично уничтожила репутацию какого-то французского дизайнера одним лишь поднятием левой брови, после чего того в слезах увезли на карете скорой помощи (или, скорее, на такси бизнес-класса). Помню, как пил. Много. Слишком много для человека, которому сегодня предстояло управлять судьбой империи.

Телефон на прикроватной тумбе из каррарского мрамора не звонил. Он вибрировал. Но это была не обычная трель будильника или эсэмэска от мамы. Устройство тряслось с той частотой и яростью, которая бывает только у гаджетов, сообщающих о конце света. Это был пульс финансовой бип-системы, прямой канал связи с биржевыми серверами, и он кричал.

Я протянул руку, нащупал холодный металл корпуса и поднес экран к лицу, прищурившись от боли. Яркость была выкручена на максимум, и красные цифры ударили по сетчатке хуже слезоточивого газа.

Sforza Holdings (SFZ.MI): -18.4%.

До официального открытия Миланской биржи оставалось два часа, но внебиржевые торги, фьючерсы и паникующие алгоритмы уже устроили нам кровавую баню. Акции моей семьи, фундамент, на котором держалась половина элитной недвижимости и модной индустрии Италии, летели в пропасть с грацией камня, брошенного с крыши небоскреба.

Под графиком, похожим на кардиограмму мертвеца, горело уведомление от моего аналитического отдела, помеченное тремя красными восклицательными знаками:

«Инициировано враждебное поглощение. Атакующий фонд: Borgia Capital. Статус: Критический. Они скупают все, что не прибито к полу».

Борджиа. Ну конечно. Я тихо рассмеялся, и этот звук эхом отозвался болью в висках. Потому что в современном Милане, городе стеклянных небоскребов, нейросетей и идеального ризотто, недостаточно просто украсть твой бизнес. Нужно обязательно устроить семейную вендетту из пятнадцатого века. Чезаре Борджиа, тридцатидвухлетний вундеркинд в черных водах, считающий себя мессией финтеха и перерождением Александра Македонского в мире криптовалют, решил, что сегодня отличный день, чтобы распять нас на кресте алгоритмического трейдинга.

— Ладно, Чезаре, — прохрипел я в пустоту элитной спальни. — Ты хочешь войны? Ты ее получишь. Но сначала мне нужен кофе. И, возможно, экзорцист.

Я сбросил простыни и побрел в ванную. Пентхаус был тихим, если не считать гула климат-контроля и звона в моей голове. Интерьер в стиле минимализма от Армана Казо сегодня казался мне излишне стерильным, как операционная, где вот-вот будут ампутировать мою карьеру.

Я включил душ. Никакой горячей воды. Только ледяной поток, способный заморозить ад и заставить сердце биться в ритме техно-вечеринки на Ибнице. Я встал под струю, позволяя воде смывать остатки шампанского, чужих духов и наивные иллюзии, что выходные существуют.

— Кондотьеры, — бормотал я, наблюдая, как капли стекают по идеальному прессу, который мой личный тренер, бывший спецназовец, выбивал из меня за баснословные деньги. — Мои предки брали города штурмом, наемничали за золото, травили друг друга за обеденным столом и женились на дочерях Папы Римского ради политических выгод. А я? Я, Марко Сфорца, должен отбиваться от хедж-фонда с помощью пресс-релизов, улыбки для обложки Forbes и грамотно составленных меморандумов. Прогресс, блин.

Я вытерся полотенцем из египетского хлопка, плотность которого могла бы соперничать с кевларом, и подошел к зеркалу. Из него на меня смотрел наследник древнего рода. Двадцать восемь лет, генеральный директор по кризисным коммуникациям и слияниям. Лицо, за которое платят рекламные бренды, чтобы продавать часы и элитные автомобили.

Я растянул губы. Получилась улыбка человека, который только что узнал, что у него неизлечимая болезнь, но радуется, что хотя бы парковка у клиники бесплатная.

— Нет, — сказал я отражению, стирая улыбку. — Слишком много зубов. Ты должен выглядеть как человек, который только что купил их компанию и планирует уволить всех, кто носит галстуки в горошек. Легкая скука, смешанная с хищным спокойствием.

Я скорректировал мимику, опустив подбородок и слегка прищулив глаза. Идеально. Броня была готова. Внутренняя паника была аккуратно упакована в ментальный сейф и заперта на десять замков. Снаружи остался только Марко Сфорца — холодный, расчетливый и чертовски стильный.

Гардеробная встретила меня запахом кедра и дорогой кожи. Ряды костюмов висели с военной выправкой. Сегодня я выбрал темно-синий Brioni. Ткань была такой плотной и безупречной, что могла бы остановить пулю калибра 9 мм, или, что в моем случае важнее, уничтожающий взгляд обиженного миноритарного акционера. Белая рубашка, никаких запонок — только минимализм, кричащий о том, что мне не нужно ничего никому доказывать. На запястье тяжело легли часы Patek Philippe. Не для того, чтобы знать время, а чтобы напоминать окружающим, что мое время стоит дороже их жизни.

Спустившись в подземный паркинг, я провел рукой по прохладному карбону капота своего Aston Martin DB11. Машина завелась с низким, утробным рыком, похожим на мурлыканье сытого леопарда, почуявшего кровь.

Выруливая на улицы Милана, я включил радио. Финансовые новости уже смаковали наши проблемы, словно стая гиен, нашедшая раненого буйвола.

«...аналитики сходятся во мнении, что династия Сфорца теряет хватку, — вещал диктор с той интонацией, с которой обычно сообщают о конце света. — Фонд Borgia Capital, известный своей агрессивной стратегией и связями с венчурными фондами Кремниевой долины, скупает акции через подставные офшоры. Эксперты полагают, что Людовико Моро не сможет отразить атаку...»

Я фыркнул, переключая передачу и вдавливая педаль газа в пол. Аналитики. Люди, которые думают, что бизнес — это таблица в Excel и пара красивых графиков в PowerPoint. Они не понимают, что Сфорца — это не компания. Это организм. И если ты отрубишь ему руку, он просто отрастит щупальце, в котором будет зажат топор, и отрубит тебе голову, пока ты спишь.

Милан проносился за окнами. Стекланные башни Порта Нуова, сверкающие на утреннем солнце, сменялись историческими палаццо. Город, где мода диктует, что ты будешь носить завтра, а финансы решают, будешь ли ты вообще существовать послезавтра. Я любил этот город. Он был циничным, красивым и безжалостным — прямо как моя семья.

Кастелло Сфорцеско. Моя вотчина.

Снаружи — средневековая крепость из красного кирпича, помнящая шаги Леонардо да Винчи и звон мечей наемников. Внутри — штаб-квартира империи, скрытая за пуленепробиваемыми стеклами, системами биометрической защиты и серверами, которые охлаждались водами древнего рва.

Я оставил Aston Martin на VIP-парковке, где мое место было отмечено не желтой линией, а фамильным гербом, выложенным черным мрамором. Охранник у входа, здоровенный парень по имени Джузеппе, который, я подозреваю, в прошлой жизни был гладиатором, а в этой просто очень любил углеводы, кивнул мне.

— Доброе утро, дотторе Марко. Слышали новости? — его голос звучал как скрежет камней.

— Джузеппе, — ответил я, не сбавляя шага и поправляя манжету, — если ты сегодня услышишь новости, которые мне не понравятся, ты лично поедешь в штаб-квартиру Борджиа и будешь читать им лекции о правилах парковки. Сломанными пальцами.

Джузеппе ухмыльнулся, обнажив ряд идеально белых, но пугающих зубов. Ему нравился мой стиль.

Лифт бесшумно вознес меня на верхний этаж, в святая святых — аналитический и кризисный отдел. Двери открылись, и меня ударил запах. Смесь дорогого эспresso, озона от перегреваемых серверов и животного, первобытного страха.

Опен-спейс напоминал палубу «Титаника» через пять минут после столкновения с айсбергом, если бы на «Титанике» все пассажиры были выпускниками Боккони с долгами по кредитам. Люди бегали с планшетами, кто-то тихо плакал в углу у кулера с водой, а главный трейдер, Маттео, рвал на себе волосы из идеально уложенной прически, оставляя на столе пряди, словно линяющий кот.

Увидев меня, толпа замерла. Двадцать пар глаз, полных паники и мольбы о чуде, устремились на мой костюм. Они искали в моем лице ответ на вопрос: «Мы все умрем, или хотя бы наши бонусы за этот квартал?»

Я остановился в центре зала. Сделал глубокий вдох, впуская в легкие этот восхитительный аромат корпоративного апокалипсиса.

— Дамы и господа, — мой голос прозвучал ровно, без единой дрожащей нотки, перекрывая гул кондиционеров. — Я вижу, вы уже ознакомились с утренней сводкой. Отличные новости.

Маттео моргнул, его рука замерла на полпути к редющей шевелюре.

— Отличные, дотторе Сфорца? Они обрушили нас на восемнадцать процентов до открытия! Они скупают наши долги! Они пытаются заблокировать нашу кредитную линию в швейцарских банках!

— Именно, Маттео, — я подошел к нему и по-отечески похлопал по плечу, чувствуя, как он дрожит. — Знаешь, что это значит? Это значит, что Чезаре Борджиа, этот нарцисс в водолазке от Logo Piana, только что потратил сотни миллионов евро, чтобы купить наши проблемы. Он думает, что загнал нас в угол. Но он забыл одну маленькую, но важную деталь.

Я обвел взглядом притихший зал. Тишина была такой густой, что ее можно было резать ножом для стейков.

— Сфорца не загоняют в углы. Сфорца строят в углах алтари и приносят на них в жертву своих врагов. А теперь, — я хлопнул в ладоши, и звук разорвал тишину, как выстрел, — кто-нибудь сварите мне двойной эспresso. И давайте пойдем покажем этому выскочке, как в Милане делается бизнес. И Маттео?

— Д-да, дотторе?

— Перестань рвать волосы. У нас в офисе есть штатный парикмахер, и он берет с нас корпоративную скидку. Не создавай беспорядок на рабочем месте.

Оставив за спинами ошарашенных, но слегка ободренных аналитиков, я направился в переговорную «Зал Тайной Вечери». Двери из матового стекла с гравировкой фамильного герба бесшумно раздвинулись.

Внутри, в полумраке, за столом из цельного слэба ореха, которому было лет больше, чем Соединенным Штатам Америки, сидел мой дядя. Людовико «Моро» Сфорца. Теневой патриарх. Человек, чье имя в деловых кругах Европы произносили шепотом, боясь, что он услышит и повысит тебе налоги.

Он не смотрел на огромные экраны на стенах, где красные линии продолжали свое падение в бездну. Он смотрел на антикварную шахматную доску, расставленную на столе, и медленно, с почти эротическим наслаждением, передвигал черного коня. Людовико был одет в безупречный черный костюм, который, казалось, поглощал свет вокруг него. От него пахло бальзамическим уксусом пятидесятилетней выдержки и неизбежностью.

Он поднял на меня глаза. В них не было паники. В них не было злости. В них было то самое философское безумие, которое пугало меня больше, чем падение биржевых индексов, крах евро и глобальное потепление вместе взятые.

— Марко, — его голос был тихим, как шелест сухих листьев на могильных плитах, но он заполнил всю комнату. — Ты опоздал на три минуты. Садись.

Я занял свое место напротив него.

— Дядя Людовико, они запустили алгоритмическую атаку. Наши акции в свободном падении. Юристы говорят, что нам нужно срочно подавать иск в...

Людовико поднял руку, и я замолк на полуслове. Он взял белого ферзя и с легким щелчком сбил им черную пешку.

— Юристы, Марко, — произнес он, глядя на доску, — это современные священники. Они молятся на бумажки и верят, что ритуалы спасут их от гнева богов. Но мы с тобой не молимся.

Он наконец поднял глаза и посмотрел прямо мне в душу.

— Чезаре сделал первый ход. Он думает, что играет в шахматы. Пора показать ему, что в этой игре мы даже не используем шахматные фигуры. Мы просто сжигаем доску. Звони Беатриче. И найди мне этого мальчика из подвала... как его... Лео. Сегодня мы возвращаемся к методам предков.

Я усмехнулся, чувствуя, как адреналин окончательно вытесняет остатки похмелья. Война началась. И, черт возьми, я был чертовски рад, что на мне был именно этот костюм.

Глава 2. Совет Теней в Замке (Людовико)

Спуск в катакомбы под *Кастелло Сфорцеско* всегда действовал на меня умиротворяюще. Пока наверху, в стеклянных башнях Порты Нуова, люди суетились, пытаясь уместить свою жадность в рамки финансового квартала, здесь, на глубине пятнадцати метров под брусчаткой Милана, время застывало, превращаясь в густой, тягучий сироп.

Стены из грубого красного кирпича, сложенные еще в пятнадцатом веке по приказу моего прапрапрадеда, хранили прохладу и запах сырости, смешанный с ароматом озона от скрытых в нишах серверных стоек. Мои предки строили эти своды, чтобы прятаться от французской артиллерии и венецианских наемников. Я использовал их, чтобы прятаться от аудиторских проверок, журналистов-расследователей и, что гораздо хуже, от собственной семьи, когда у них начинались приступы сентиментальности.

Я толкнул тяжелую дубовую дверь, окованную железом. Засовы отошли с тихим, почти уважительным щелчком биометрического сканера, замаскированного под старинную кованую розетку.

Зал Совета, или, как мы называли его между собой, «Чистилище», был освещен лишь мягким, холодным светом огромных голографических экранов. На них пульсировали красные вены нашего корпоративного организма. *Sforza Holdings* истекала кровью на торгах, а восемь лучших корпоративных юристов и финансовых директоров Италии, собравшихся за столом из цельного слэба окаменевшего дерева, вели себя так, словно эта кровь была их собственной.

— ...и если мы немедленно активируем стратегию «Отравленной пилюли», дотторе Сфорца, — тараторил Авvocato Росси, главный юридический советник, чья фамилия удивительным образом соответствовала его внешности: он был таким же мягким, зеленым от страха и дорогим, — мы выпустим на рынок пакет неголосующих акций, который размоет долю *Borgia Capital* до...

Я не дал ему закончить. Я медленно, с грацией хищника, поднимающего лапу перед прыжком, поднял указательный палец.

Росси замолк, его кадык судорожно дернулся под воротником рубашки от Charvet, которая теперь, из-за обильного потоотделения, прилипла к его шее.

Я сидел во главе стола. На мне был черный костюм из викуны, ткани настолько тонкой и редкой, что ее стригли с лам, пасущихся исключительно на высокогорных плато Анд под классическую музыку. Черная водолазка, черные туфли. Я сливался с тенями этого зала, становясь его неотъемлемой частью. Передо мной стояла чашка. Тончайший фарфор династии Мин, полупрозрачный, с росписью кобальтом. В ней дымился чай Да Хун Пао с материнских кустов, урожай которого стоил примерно как небольшой хедж-фонд на Каймановых островах.

Я сделал глоток. Вкус был сложным: нотки жареного каштана, орхидеи и легкой, едва уловимой горечи, напоминающей о бренности бытия.

— «Отравленная пилюля», — тихо повторил я. Мой голос не был громким, но в акустически выверенном зале он звучал так, будто я шептал каждому из них прямо на ухо. — Какое восхитительное название, Росси. Какое... метафоричное. Скажите, а вы вообще понимаете, что такое настоящий яд?

Росси моргнул, его пальцы нервно теребили стилус. — Э-э... в юридическом смысле, дотторе, это механизм защиты, который делает компанию непривлекательной для...

— В юридическом смысле, — перебил я, ставя чашку на блюде с едва слышным, хрустальным звоном, — вы все трусы. Вы пытаетесь лечить гангрену подорожником.

Я обвел взглядом собравшихся. Бьянки, финансовый директор, смотрел в свой планшет так, словно надеялся, что цифры вдруг чудесным образом перестроятся в улыбающийся смайлик. Остальные шесть «кондотьеров» в дорогих костюмах старались не встречаться со мной

глазами. Они были прекрасными специалистами. Они знали каждый параграф гражданского кодекса, каждую лазейку в европейском антимонопольном законодательстве. Но они были современными людьми. А современные люди... они такие вульгарные.

— Чезаре Борджиа, — произнес я, и при этом имени по комнате пробежал легкий холодок, — не просто скупает наши акции. Он пытается купить нашу историю. Он думает, что Милан — это просто большая шахматная доска, а мы — фигуры, которые он может смести рукой, потому что у него больше денег и лучше алгоритмы.

Я встал. Кресло из черной кожи тихо отъехало назад. Я подошел к одному из экранов, где крутился трехмерный профиль Чезаре Борджиа. Молодой, амбициозный, с лицом, которое слишком часто появлялось на обложках глянцевого журналов для тех, кто не умеет читать.

— Вы предлагаете мне судиться с ним, — продолжил я, не оборачиваясь. — Подавать иски в Комиссию по ценным бумагам. Искать «Белого рыцаря», который выкупит наш долг. Rossi, вы когда-нибудь видели настоящего белого рыцаря?

— Нет, дотторе, — прошептал Росси.

— И правильно. Потому что белые доспехи быстро ржавеют в нашем климате, а кони имеют скверную привычку гадить на персидские ковры. Нам не нужны рыцари. И нам не нужны пилюли.

Я повернулся к ним. Свет от экранов падал на мое лицо, и я видел, как они невольно отклоняются назад, словно от жара.

— Знаете, что меня больше всего раздражает в современных корпоративных войнах? — спросил я, медленно возвращаясь к своему месту. — Отсутствие эстетики. Предательство стало слишком... бытовым. Сегодня предать — это нажать кнопку «Отправить» в зашифрованном мессенджере. Слить PDF-файл журналистам. Пожаловаться в налоговую. Где поэзия? Где симфония разрушения? Когда мой предок, Лудовико иль Моро, хотел избавиться от неудобного дяди, он не подавал на него в суд за нарушение корпоративного договора. Он нанимал лучшего алхимика в Ломбардии, который подмешивал толченный бриллиант в его утреннее ризотто. Дядя умирал медленно, мучительно, и до самого конца благодарил племянника за заботу и вкусную еду. Вот это я понимаю — лояльность. Вот это — стиль.

Бьянки нервно сглотнул. — Дотторе Людовико... мы не можем отравить Чезаре Борджиа ризотто. За этим следят, э-э, санитарные нормы. И прокуратура.

Я усмехнулся. Искренне, от души. — Бьянки, вы меня разочаровываете. Вы мыслите категориями Уголовного кодекса. Я мыслю категориями Искусства. Я не говорю об убийстве. Убийство — это скучно, и, что хуже, это создает проблемы с наследством и налогом на передачу имущества. Я говорю об уничтожении репутации. О разрушении психики. О шантаже, возведенном в ранг высокого ренессансного фрески.

Я сел, сложив руки на столе. — Чезаре считает, что он мессия финтех. Он носит черные водолазки, потому что думает, что это делает его Стивом Джобсом. Но он забывает, что Джобс был диктатором, а Чезаре — просто бухгалтер с комплексом Наполеона. У каждого бухгалтера есть тайна, Бьянки. Какая тайна есть у Чезаре?

— Мы провели стандартный due diligence (проверку), — заикаясь, начал Бьянки. — Чистая биография. Гарвард, стажировка в Goldman Sachs, никаких офшоров, никаких скандалов. Он веган, жертвует на защиту альпийских сурков и ездит на электрокаре.

Я закрыл глаза и глубоко вдохнул, вдыхая запах древней пыли и страха. — Веган, — прошептал я с невыразимым отвращением. — Он защищает сурков. Боже, как же это пошло. Человек, который не ест мясо, но пытается сожрать целую династию, лицемерен вдвойне. Значит, его тайна не в финансах. Она в его эго. В его тщеславии. В его женщинах. В его странных, извращенных желаниях, которые он прячет за фасадом скучного техно-гика.

Я открыл глаза и посмотрел на Росси. — Отзовите свои иски, Авvocato. Отозвать всех «Белых рыцарей». Перестаньте играть в их игру по их правилам. Вы пытаетесь защитить кре-

пость, выливая со стен горячее масло. Но масло закончится, а армия Борджиа только подойдет к рву.

— Но что нам делать, дотторе?! — не выдержал один из младших партнеров, его голос сорвался на писк. — Они скупают контрольный пакет к обеду!

Я улыбнулся. Той самой улыбкой, от которой, как говорили в кулуарах, у одного министра финансов в 2008 году случился микроинсульт.

— Мы не будем защищаться, — тихо сказал я. — Мы откроем ворота. Мы пригласим их внутрь. Мы накроем для них стол, нальем лучшего вина и будем смотреть, как они давятся собственными амбициями.

Я нажал скрытую кнопку под столом. Голографические экраны мигнули, и красные графики акций сменились десятками досье. Лица, связи, банковские выписки, переписки, фотографии с закрытых вечеринок в Ибице, счета из элитных клиник в Швейцарии.

— Найдите мне людей, которые стоят за фондом *Borgia Capital*, — приказал я, и мой голос снова стал твердым, как сталь клинка, выкованного в Толедо. — Не самого Чезаре. Его аналитиков. Его юристов. Его любовниц. Его бариста, черт возьми! Найдите их слабые места. Долги, зависимости, больные матери, тайные пороки. Мне не нужны их деньги. Мне нужны их души. Когда вы держите в руках душу человека, его кошелек открывается сам по себе.

Я сделал еще один глоток остывшего чая. — И еще одно. Современное предательство должно быть красивым. Если вы сливаете компромат, он должен быть упакован так, чтобы это выглядело как случайная утечка, трагедия, а не наша работа. Пусть Чезаре думает, что его предали его же друзья. Пусть он параноит. Пусть он начнет подозревать собственную тень. Паранойя, господа, — это лучший корпоративный рейдер. Она съедает компанию изнутри быстрее, чем любые алгоритмы.

Зал молчал. Они смотрели на меня не как на генерального директора или председателя совета директоров. Они смотрели на меня как на Макиавелли, который только что сошел со страниц «Государя», надел костюм от Brioni и потребовал двойной эспрессо.

— А что касается самого Чезаре... — я задумчиво постучал пальцем по фарфоровой чашке. — Марко уже получил инструкции. Беатриче займется его социальным статусом, а наш маленький гений из подвала... Лео... займется его цифровым следом. Вы, господа, свободны. Идите и делайте то, что умеете лучше всего — создавайте бюрократический шум. Завалите их суды бумажками, запросами, апелляциями. Пусть их юристы утонут в рутине, пока мы будем готовить настоящий удар.

Стулья заскрипели. Юристы и финансисты начали поспешно собирать свои планшеты и папки, стараясь не шуметь и не привлекать моего внимания. Они уходили с облегчением узников, которым только что заменили смертную казнь на пожизненное заключение с правом переписки.

Когда за тяжелыми дубовыми дверями скрылся последний из них, я остался один в полумраке «Чистилища».

Я встал и подошел к стене, где за бронированным стеклом хранилась карта Милана, нарисованная самим Леонардо да Винчи. Линии улиц, каналы, скрытые ходы. Леонардо понимал этот город. Он знал, что Милан — это не просто здания. Это механизм. Сложный, безжалостный механизм, где каждая шестеренка смазана кровью и амбициями.

Чезаре Борджиа хотел купить этот механизм. Он думал, что достаточно иметь много денег и хороший софт.

— Бедный, глупый мальчик, — прошептал я, касаясь стекла кончиками пальцев. — Ты думаешь, что власть — это код на экране. Но власть... власть это тот, кто держит в руках рубильник.

Мой телефон в кармане пиджака издал короткую, деликатную вибрацию. Это было сообщение от Марко.

«Беатриче в ярости. Лео нашел что-то странное в их серверах. Жду в оранжевое».

Я поправил манжеты, стряхивая невидимую пылинку с безупречной черной ткани. Совет Теней окончен. Начиналась настоящая охота. И, должен признать, впервые за последние годы я чувствовал, что мой утренний чай был приготовлен не зря. Ренессанс возвращался в Милан. И он будет очень, очень кровавым. В переносном, конечно, смысле. Мы же цивилизованные люди.

Глава 3. Шелк и Контрафакт (Беатриче д'Эсте-Сфорца)

Воздух на бэкстейдже Миланской недели моды всегда пах одинаково: смесью лака для волос Elnett, холодного пота моделей, дорогого эспresso и животного, первобытного страха. Для обычного человека этот запах был бы токсичным. Для меня это был аромат абсолютной власти.

Я стояла у главного монитора, скрестив руки на груди. На мне было платье-футляр из черного крепа, скроенное так безупречно, что оно казалось не одеждой, а второй, гораздо более стильной кожей. Мои туфли на шпильке от Louboutin с красной подошвой ритмично отбивали такт на полированном бетонном полу, словно метроном, отсчитывающий секунды до чьей-нибудь профессиональной казни.

— Беатриче, — раздался тихий, дрожащий голос слева.

Я медленно повернула голову. Джулиан, мой ассистент и по совместительству человек, отвечающий за то, чтобы мои нервные клетки не восстанавливались слишком быстро, выглядел так, словно только что проглотил живого ежа. Причем не целиком, а иголками вперед. В его руках дрожал планшет, а на лбу выступили капли пота, грозящие испортить его безупречный контуринг.

— Джулиан, — произнесла я голосом, который мог бы заморозить просекко. — Почему ты смотришь на меня так, будто я только что сообщила, что в этом сезоне мы заменяем натуральный шелк на переработанный полиэстер? Если это шутка, то она не смешная. Если это правда, то ты уволен, а твоя семья проклята до седьмого колена.

— Это... это не полиэстер, мадам, — Джулиан нервно сглотнул, его кадык совершил пугающий прыжок. — Это хуже. Это... она.

Он протянул мне планшет. На экране транслировалась прямая трансляция с камер, направленных на первый ряд партера. Зал был заполнен элитой: редакторы Vogue, арабские шейхи, голливудские звезды, чьи улыбки стоили дороже, чем ВВП небольшой балканской страны. Но Джулиан пальцем, который предательски трясся, ткнул в кресло A1. Самом лучшее место. Место, которое я лично утверждала три месяца назад.

Там сидела Виттория Борджиа. Жена Чезаре.

Она была красива той хищной, холодной красотой, которую обычно покупают у лучших пластических хирургов Беверли-Хиллз и поддерживают инъекциями, способными парализовать не только мимические мышцы, но и совесть. Но не ее лицо привлекло мое внимание.

Мое внимание привлекло ее платье.

Это было платье из моей закрытой капсульной коллекции *Notte Segreta*, которую мы должны были показать публике только завтра вечером на закрытом ужине в Палаццо Реале. Платье «Полуночный Лебедь». Тяжелый шелковый крепдешин, расшитый вручную микробисером, с асимметричным вырезом и сложнейшей драпировкой на бедрах, которая требовала от кройщика почти религиозного фанатизма.

Я прищурилась, приближая изображение на экране. Мой глаз, натренированный десятилетиями работы с тканями, мгновенно начал сканировать конструкцию. И тут меня накрыло. Это была не просто ярость. Это было священное, праведное бешенство богини, чей храм осквернили грязными подошвами.

— Это контрафакт, — прошептала я, и от тишины моего голоса Джулиан сделал шаг назад, наткнувшись на вешалку с пиджаками.

— М-мадам, наши юристы уже...

— К черту юристов, Джулиан! — рявкнула я, заставляя трех визажистов в радиусе пяти метров уронить кисти. — Ты посмотри на это! Посмотри на вытачку на талии! Она смещена ровно на два миллиметра влево! Два миллиметра, Джулиан! Из-за этого ткань не ложится по косой, а собирается в дешевую складку, когда она скрещивает ноги! А бисер? Это не муранское стекло, это штампованный пластик из Гуанчжоу! Он не ловит свет, он его убивает!

Я швырнула планшет на стол. Он поехал по гладкой поверхности и остановился у самого края.

Это был не просто плагиат. Это было объявление войны. Чезаре Борджиа, этот выскочка в водолазке, решил ударить меня там, где я была наиболее уязвима и сильна одновременно — в моей эстетике. Он украл лекала (вероятно, подкупив кого-то на моем производстве в Комо), отшил эту мерзость на какой-то подпольной фабрике за копейки и надел на свою жену, чтобы показать всему Милану: *«Смотрите, секреты Сфорца — это просто кусок тряпки, который я могу воспроизвести за ночь и в десять раз дешевле»*.

Он пытался обесценить мой бренд. Он пытался превратить высокую моду, мою религию, в масс-маркет.

— Она улыбается, — заметил Джулиан, робко кивая на экран, где Виттория как раз махала ручкой кому-то из фотографов. — Она знает, что мы ее видим.

— О, она знает, — я медленно улыбнулась. Улыбка получилась такой, что температура в помещении, кажется, упала еще на пару градусов. — Чезаре думает, что бизнес — это только цифры на бирже. Он забыл, что в Милане репутация стоит дороже, чем контрольный пакет акций. Если ты потеряешь лицо на бирже, ты можешь отыграть через год. Если ты потеряешь лицо в первом ряду на Неделе моды, ты труп. Социальный, разумеется. Но в нашем кругу это гораздо больше.

Я достала из крошечного клатча свой телефон. — Джулиан, собери мне «синдикат».

Джулиан побледнел еще сильнее, если это было физически возможно. — Синдикат? Мадам, вы же обещали дяде Людовико, что больше не будете использовать блогеров в качестве оружия массового поражения после инцидента с принцессой Монако и тем неудачным комбинезоном...

— Я обещала не убивать их физически, — отмахнулась я, быстро набирая сообщения в зашифрованном чате. — А моральное уничтожение — это превентивная терапия. Зови Анну Делло Руссо, зови главного редактора *Dagospia*, зови тех трех токсичных инстаграм-инфлюенсеров, которые сидят на диете из шампанского и чужих слез. Мне нужно, чтобы через пятнадцать минут, когда Виттория Борджиа пойдет на афтепати, весь модный Милан знал одну маленькую, пикантную подробность.

— Какую, мадам?

Я повернулась к нему, и в моих глазах, наверное, плясали языки инквизиторского пламени. — Мы не будем говорить, что на ней подделка. Боже упаси, это будет звучать так, будто мы оправдываемся. Мы скажем, что это *оригинал*. Но не из коллекции *Notte Segreta*. Мы пустим слух, что это платье — прототип для нашей будущей коллаборации с сетью супермаркетов Esselunga. Что Сфорца выходит на рынок бюджетной одежды, и Виттория так сильно хочет нам польстить, что надела этот «эксклюзив» из переработанных пластиковых бутылок прямо на кутюрное шоу.

Джулиан замер. Его глаза расширились, а затем в них зажегся огонь искреннего, профессионального восхищения. — Мадам... это... это гениально. Это убьет ее социальный статус. Ни одна светская львица не захочет сидеть за одним столом с женщиной, которая путает haute couture с акцией на стиральный порошок.

— Именно, — я поправила невидимую складку на своем платье. — Чезаре хочет играть в грязные игры? Отлично. Но в мире моды грязь должна быть исключительно от бриллиантовой пыли. Иди. У тебя десять минут. Если слух не начнет трендиться в Твиттере до того, как

первая модель выйдет на подиум, ты будешь до конца жизни гладить носки в нашем аутлете в Серавале.

Джулиан кивнул и пулей вылетел из зоны моего обитания, на ходу набирая кого-то по гарнитуре.

Я снова посмотрела на монитор. Виттория Борджиа поправила прическу, совершенно не подозревая, что ее социальный кредитный счет уже начал стремительно таять, как мороженое на июньском солнце.

В этот момент в зал врывается музыка. Тяжелый, пульсирующий техно-бит, от которого вибрирует грудная клетка. Свет на подиуме вспыхивает ослепительно-белым. Шоу началось.

Я сделала глубокий вдох, вдыхая аромат своего нишевого парфюма с нотками уда, кожи и абсолютного триумфа. Мои предки травили врагов мышьяком, подмешанным в вино. Я предпочитаю более изысканные методы. Я травлю их сплетнями, подмешанными в хештеги.

Я вышла из-за кулис и направилась к своему месту в VIP-ложе, по пути одаривая улыбкой главных редакторов, которые смотрели на меня с почтительным ужасом. Я села, элегантно скрестила ноги и посмотрела на первый ряд.

Виттория поймала мой взгляд и послала мне воздушный поцелуй, ее пластиковое платье предательски скрипнуло при движении.

Наслаждайся, дорогая, мысленно ответила я, доставая бокал просекко у проходящего официанта. Через двадцать минут ты станешь главной героиней мемов, а твой муж поймет, что в Милане есть вещи страшнее, чем падение индекса Доу-Джонса. Например, насмешки Анны Винтур.

Первая модель сделала шаг на подиум. Война за Милан перешла в новую, гораздо более стильную фазу. И, черт возьми, мой аутфит для этой войны был просто безупречен.

Глава 4. Тостер Судного Дня (Лео (Леонардо))

Серверная стойка номер семь дышала тяжело, как астматик, которого заставили бежать марафон в июльской жаре. Гул вентиляторов сливался в низкий, вибрирующий бас, от которого у меня слегка звенело в зубах. В воздухе висел густой коктейль из озона, перегретого пластика, лимонного энергетика и остывшей пиццы маргарита, которую я заказал восемь часов назад и с тех пор использовал как подставку под паяльник.

Мой подвал. Моя лаборатория. Мой храм.

Здесь, под фундаментом *Кастелло Сфорцеско*, где когда-то хранили порох и вино, теперь жили тридцать два терабайта оперативной памяти, четыре кластера нейросетей и я. Леонардо. Тридцать лет. Диплом Миланского политеха, который я так и не вставил в рамку, потому что рамка мешала бы потоку воздуха к роутеру. И текущий статус: человек, который пытается пробить головой цифровую стену, построенную параноиками из *Borgia Capital*.

На центральном мониторе, размером с хорошее окно в пентхаусе, пульсировала схема их периметра безопасности. Красные линии, синие узлы, мерцающие щиты. Это было красиво. Честно. Как готический собор, если бы его спроектировал архитектор, страдающий манией преследования и отлично знающий Python.

— Ладно, «Цербер», — прошептал я, потирая глаза, которые за последние шесть часов превратились в два сухих, покрасневших шарика для пинг-понга. — Давай ещё разок. Только без грубостей.

Я запустил седьмую итерацию эксплойта. Пальцы порхали по механической клавиатуре, издавая звуки, похожие на дождь по жестяной крыше. Код стекался в терминал, как вода в акведук. SQL-инъекция через зеркальный API. Обход двухфакторки через эмуляцию отпечатков их же сисадмина. Попытка внедрить шелл-код в их систему аналитики.

Экран мигнул. Зелёная строка загрузки замерла на 84%. Затем, с издевательской плавностью, сменилась на кроваво-красное сообщение:

ACCESS DENIED. ANOMALY DETECTED. COUNTERMEASURES DEPLOYED. TRACE INITIATED.

Я откинулся на спинку кресла, которое скрипнуло так жалобно, что мне стало его жаль. «Цербер» не просто отбил атаку. Он адаптировался. Перестроил маршрутизацию, изменил сигнатуры пакетов, заблокировал мои прокси-ноды и, кажется, даже мысленно показал мне средний палец.

— Ты великолепный ублюдок, — сказал я экрану с искренним восхищением. — Кто тебя писал? Неужели эти ребята из Пало-Альто наконец-то научились не копировать друг у друга?

Я потянулся к банке энергетика. Пусто. Смял алюминий в кулаке, бросил в угол, где уже возвышалась серебристая пирамида из таких же трупов. Сердце стучало где-то в районе горла, ритм сбивался на синкопы, но мозг работал на чистом адреналине и остатках кофеина.

Проблема была не в моём коде. Мой код был поэзией. Проблема была в их архитектуре. *Borgia Capital* потратили миллионы на военный уровень защиты. Воздушные зазоры, квантовое шифрование, AI-стражи, которые обучались на каждом моём неудачном пинге. Ломать это в лоб было всё равно что пытаться вскрыть сейф швейцарского банка чайной ложкой. Красиво, романтично, но абсолютно бессмысленно.

Нужен был обходной путь. Всегда есть обходной путь. Люди строят стены до небес, но забывают заперть форточку в подвале. Или, в нашем случае, подключить что-то глупое к чему-то умному.

Я встал, потянулся, услышал хруст в позвоночнике, похожий на звук ломающихся сухих спагетти, и побрёл к своему углу «бытового хаоса». Там, среди мотков проводов, осциллогра-

фов и полураспотрошённых роутеров, стояла моя личная гордость и боль: умная кофемашина *BaristaNet Pro 9000*.

Я нажал кнопку «Эспresso». Машина зажуужала, мигнула синим светодиодом, подключилась к Wi-Fi, проверила погоду в Милане, обновила прошивку, предложила мне подписаться на премиум-подписку на пенку, и только через сорок пять секунд выдала мне тридцать миллилитров жидкости, по вкусу напоминающей подгоревший картон.

— Почему? — спросил я у машины, глядя в её бездушный сенсорный экран. — Почему ты спрашиваешь у облака, сколько градусов на улице, прежде чем нагреть воду до девяноста трёх? Ты кофеварка, а не метеостанция! Тебе не нужно знать прогноз осадков, чтобы экстрагировать кофеин!

Машина мигнула зелёным. OPTIMIZING BREWING PROFILE BASED ON HUMIDITY.

Я закрыл лицо руками. И в этот момент, сквозь пелену усталости и раздражения, в голове щёлкнуло. Как тумблер. Как реле. Как та самая искра, от которой, по легенде, у Архимеда случился приступ голого восторга в ванной.

Borgia Capital. Три месяца назад. Пресс-релиз. «Полная цифровизация офиса. Экосистема SmartWork 3.0. Забота о сотрудниках через интернет вещей».

Я рванул обратно к терминалу, чуть не споткнувшись о коробку с Raspberry Pi. Пальцы снова запорхали. Я пробился через публичные реестры закупок, открытые тендеры, LinkedIn-профили их IT-отдела, фотографии из их же корпоративного Instagram, где счастливые аналитики позировали на фоне «инновационной кухни».

Увеличил. Ещё. Ещё.

На заднем плане, размыто, но узнаваемо: ряд умных тостеров *CrumbLink X5*. Умный холодильник *FrostMind Elite*. Кофемашины той же серии, что и моя, только в корпоративном чёрном цвете. И, о боги цифрового Олимпа, они все были подключены к одной внутренней подсети. VLAN 42: IoT & Wellness Analytics.

Я замер. Дыхание остановилось. Серверы гудели, как хор монахов, но я слышал только стук собственного сердца.

Они подключили тостеры к корпоративной сети.

Не просто к гостевому Wi-Fi. К внутренней шине. Потому что их система «заботы о сотрудниках» собирала данные о потреблении кофеина, уровне стресса (через частоту нажатий на кнопку тостера, видимо) и калориях, чтобы автоматически корректировать графики перерывов и отправлять отчёты в HR.

— Чезаре, — прошептал я, и на губах сама собой расплылась улыбка, широкая, почти детская, от которой давно забытые лицевые мышцы приятно заныли. — Ты гений. Ты абсолютный, непогрешимый идиот. Ты построил крепость из квантовых алгоритмов, но оставил чёрный ход открытым, потому что хотел, чтобы твой круассан поджаривался в соответствии с лунным календарём.

Я сел. Потёр ладони друг о друга, как злодей из мультфильма, который только что понял, как украсть луну.

Лобовая атака провалилась. Значит, мы пойдём через кухню.

Я открыл новую вкладку. Создал файл. Назвал его *bruschetta_payload.py*. И начал писать.

Код для меня — это не набор команд. Это рецепт. Это партитура. Переменные — ингредиенты. Циклы — замес теста. Условия — температура духовки. Если ты всё делаешь правильно, на выходе получается не просто программа. Получается живое существо. Хрупкое, капризное, но послушное.

Я писал вирус, который не ломал двери. Он притворялся гостем.

Первый модуль: *yeast_spread*. Сканер локальной сети, маскирующийся под диагностический пинг от производителя тостеров. Он искал устройства с открытыми портами обновления

прошивки. У *CrumbLink X5* их было три. И ни один не требовал аутентификации, потому что «кто будет взламывать тостер, ребята?».

Второй модуль: *caffeine_jump*. Как только вирус оказывался в памяти тостера, он ждал следующего цикла нагрева. В этот момент тостер отправлял запрос на кофемашину в той же подсети: *SYNC_BREW_TEMP*. Вирус подменял пакет, внедряя свой шелл-код в поле *metadata_barista_profile*. Кофемашина, доверчивая как щенок, принимала обновление, думая, что это новый профиль обжарки из Колумбии.

Третий модуль: *fridge_bridge*. От кофемашины прыжок на умный холодильник. Почему? Потому что холодильник был единственным устройством в кухне, у которого был прямой, незашифрованный канал к серверу *HR_Wellness_DB* для синхронизации данных о запасах молока и уровнях кортизола сотрудников. Абсурд? Да. Реальность корпоративного IoT? Абсолютно.

Четвёртый модуль: *silent_observer*. Попад в базу данных HR, вирус не стирал, не шифровал, не требовал выкуп. Он просто слушал. Копировал логи переписок, календари встреч, черновики презентаций, метаданные звонков. Упаковывал их в крошечные, незаметные пакеты, маскируя под телеметрию датчиков температуры, и отправлял наружу через легальный API-шлюз, который *Borgia Capital* использовали для отчётов перед инвесторами.

Я писал четыре часа. Или шесть. Время в подвале течёт иначе. Оно измеряется не минутами, а строками кода и пустыми банками. Мои пальцы летали. Мозг плавился и пересобирался заново. Я разговаривал с экраном, с серверами, с самим собой.

— Нет, нет, *asynсio* здесь не подойдёт, он слишком шумный... давай *threading*, тихий, как мышь в библиотеке... вот так, молодец... а теперь маскировка заголовков... притворись обновлением безопасности, да, именно так, *User-Agent: CrumbLink_Firmware_v4.2.1*... идеально, ты прелесть...

Я чувствовал ту самую нежность, которую люди обычно испытывают к детям или домашним животным. Код не врал. Код не предавал. Код не играл в политику и не носил водолазки, чтобы казаться умнее. Если он ломался, это была моя вина. Если он работал, это была наша общая победа. Честные отношения в мире, где честность стала дефицитным ресурсом, как трюфели в августе.

Когда последняя строка встала на место, я откинулся назад. Глаза слезились. Спина ныла. Во рту стоял привкус металла и лимонной кислоты. Но внутри, где-то в районе диафрагмы, пульсировало тёплое, золотистое чувство. Гордость. Восторг. Тот самый детский восторг, когда собранная из конструктора башня наконец-то не падает.

Я запустил песочницу. Виртуальную копию сети *Borgia Capital*, собранную по крупичкам из открытых данных и моих предыдущих сканирований. Загрузил *bruschetta_payload.py*. Нажал ENTER.

На экране расцвела карта. Синие точки — устройства. Я ждал.

Секунда. Две. Пять.

Одна синяя точка в секторе *KITCHEN_3* мигнула и стала оранжевой. Тостер заражён. Через три секунды оранжевым вспыхнул соседний узел. Кофемашина. Ещё пять секунд. Холодильник. Затем, как дрожжи в тёплом тесте, инфекция поползла по внутренней шине. Оранжевые точки множилось, стекались к центру, к серверу HR, просачивались в логи, в календари, в черновики. Никаких тревог. Никаких красных флагов. «Цербер» молчал. Он искал хакеров с клавиатурами и эксплойтами нулевого дня. Он не искал вирус, который приехал на работу вместе с круассанами и капучино.

INFESTATION RATE: 94.7%. DATA EXFILTRATION CHANNEL: STABLE. DETECTION PROBABILITY: 0.03%.

Я тихо рассмеялся. Звук получился хриплым, немного безумным, но абсолютно счастливым.

— Леонардо да Винчи смотрел на птиц и рисовал крылья, — сказал я в гул серверной, беря последний, совершенно холодный и резиновый кусок пиццы. — Я смотрю на тостеры и пишу ботнеты. Эволюция, детка. Прогресс не остановить. Особенно если он пахнет горелым хлебом.

Я откусил пиццу. Вкус был ужасен. Я жевал с наслаждением.

Оставалось только одно. Развернуть полезную нагрузку в реальной сети. Я не мог сделать это прямо сейчас. «Цербер» мог заметить аномальный трафик, если я начну сканировать их периметр в рабочее время. Нужно было ждать. Ждать окна.

Я проверил расписание их IoT-вендора. Автоматическое обновление прошивок для кухонной техники было запланировано на 03:15 по местному времени. Когда офис пуст. Когда серверы нагрузки минимальны. Когда даже параноидальные сисадмины спят, уверенные, что их квантовые щиты непробиваемы.

До трёх пятнадцати оставалось сорок минут.

Я настроил таймер. Упаковал пейлоад в легитимный на вид ZIP-архив с названием CrumbLink_SecurityPatch_Q3.zip. Загрузил на дроп-сервер, который цепочкой из семи прокси вёл в подвал под моим креслом. Установил триггер: IF VLAN_42_BROADCAST == FIRMWARE_UPDATE_REQUEST THEN DEPLOY.

Всё. Машина была заведена. Ключ в замке. Оставалось только повернуть.

Я встал, потянулся, снова хрустнув позвоночником, и подошёл к серверной стойке номер семь. Провёл ладонью по тёплому металлу.

— Вы сегодня молодцы, ребята, — прошептал я. — Дышите ровно. Скоро будет жарко.

Вернулся к терминалу. Открыл зашифрованный мессенджер семьи. Нашёл чат с пометкой Sforza War Room. Набрал сообщение. Пальцы дрожали не от усталости, а от предвкушения.

Голубь выпущен. Ждите крошек. P.S. Если у кого-то в офисе есть умный тостер, отключите его от Wi-Fi. Серьёзно. Это не шутка.

Отправил.

Закрыл глаза. Прислушался к гулу. К каплям конденсата, падающим где-то в темноте на бетон. К далёкому, едва слышному шуму ночного Милана наверху. Город спал. Чезаре Борджиа, вероятно, спал в своей минималистичной кровати, уверенный, что завтра он добьёт нас на бирже. Его тостеры спали на кухнях, ожидая утреннего обновления. А мой код ждал в темноте, тихий, терпеливый и голодный до данных.

Я улыбнулся. Впервые за сутки плечи расслабились. В груди разлилось то самое тёплое, почти уютное чувство. Мы не просто защищались. Мы играли. И, чёрт возьми, это была самая красивая партия, которую я когда-либо писал.

Таймер на экране отсчитывал секунды. 00:12:44. 00:12:43.

Я доел пиццу. Вытер руки о джинсы. Сел поудобнее. И приготовился смотреть, как цифровые дрожжи начнут поднимать тесто чужой империи.

Ренессанс, как сказал дядя Людовико, возвращается. Только в этот раз он пришёл не с кистью и не с мечом. Он пришёл с патчем для прошивки и любовью к хорошему кофе.

И я, Леонардо, был его скромным, недосыпающим, но абсолютно счастливым пророком.

Глава 5. Свитер из Кашемира и Яд (Марко Сфорца)

Бар назывался *L'Effimero* — «Эфемерный». Это было именно то место, где коктейли стоили сорок евро, потому что бармен с татуировками на всю спину перед подачей читал над бокалом хайку, а лед для виски вырезали из глыб, замороженных в стратосфере. Я терпеть не мог подобные заведения. Они пахли снобизмом, озонаторами и отчаянным желанием казаться глубже, чем они есть на самом деле.

Но Чезаре Борджиа выбрал именно его. И это уже было первой подсказкой.

Я вошел в полумрак зала, где авангардный эмибиент пытался заглушить звук того, как люди тратят чужие деньги. Мой Brioni сидел безупречно, скрывая остатки утреннего похмелья и нынешнее напряжение. Я чувствовал себя рыцарем, который только что надел латы, но забыл дома щит. Впрочем, щит мне был не нужен. Моей броней была улыбка, которую я оттачивал перед зеркалом, и абсолютное, ледяное спокойствие человека, которому больше нечего терять, кроме миллиардного состояния.

Чезаре сидел за угловым столиком из необработанного бетона. Он не пил. Он медитировал над своим напитком.

На нем была черная водолазка. Но не просто черная водолазка. Это был Logo Piana, «Baby Cashmere», сотканный из подшерстка тибетских козлят, которые, вероятно, питались только органическим мхом и слушали мантры. Эта вещь стоила как подержанный Fiat, но выглядела так, будто ее создали инопланетяне, пытающиеся понять концепцию человеческой скромности. Чезаре носил ее, чтобы транслировать миру: *«Я выше материального. Я — чистый интеллект. Я — Стив Джобс, только с портфелем на три миллиарда евро и без привычки парковаться на местах для инвалидов»*.

Я подошел к столику. Чезаре поднял на меня глаза. Они были того же оттенка, что и экран выключенного смартфона — холодные, темные и готовые отразить ваше собственное лицо, если вы посмотрите в них слишком пристально.

— Марко, — произнес он. Его голос был мягким, поставленным, с легкими, едва уловимыми нотками калифорнийского акцента, который он, скорее всего, купил на курсах ораторского мастерства в Пало-Альто. — Ты опоздал на четыре минуты. Время — это единственная валюта, которую нельзя напечатать.

— А ты выглядишь так, Чезаре, будто только что продал свою душу за опционы и теперь не знаешь, в какой офшор ее капитализировать, — ответил я, садясь напротив.

К столику тут же материализовался официант. — Синьор Сфорца. Ваш обычный Negroni? — Двойной, — кивнул я. — И без хайку. Просто налей жидкость в стекло. Я сегодня не в настроении для поэзии.

Официант исчез. Чезаре слегка усмехнулся, сложив пальцы домиком. Перед ним стоял бокал, в котором плавала прозрачная сфера. — Это кларифицированный милк-панч с настоем этично собранного исландского лишайника и капель дыма от сгоревших долговых расписок, — с абсолютно серьезным видом сообщил он. — Он очищает рецепторы и парадигму мышления. Тебе стоит попробовать. Твой Negroni — это прошлый век. Горький, тяжелый, архаичный. Как и ваша семья.

Я рассмеялся. Искренне. — Чезаре, мой Negroni горький, потому что он честный. Он не притворяется, что он десерт. Он бьет по печени и напоминает, что ты жив. А твой лишайник на вкус как вода из лужи в парке Семпионе, которую пропустили через угольный фильтр. Но давай оставим миксологию. Зачем мы здесь?

Чезаре перестал улыбаться. Он наклонился вперед, и свет от скрытой светодиодной ленты упал на его безупречное, отполированное дерматологами лицо.

— Я здесь, Марко, чтобы предложить тебе спасение, — его тон стал вкрадчивым, почти елейным. — Я вижу, что происходит. Твои акции летят в бездну. Твои акционеры в панике. Твой дядя Людовико заперся в своем замке и играет в средневековые интриги, не понимая, что мир изменился. *Sforza Holdings* — это динозавр. Красивый, величественный, но обреченный. А *Borgia Capital* — это метеор.

Он сделал паузу, ожидая, что я начну спорить, защищать честь семьи, кричать или умолять. Но я просто молча смотрел на него, ожидая, пока официант поставит передо мной тяжелый хрустальный стакан с рубиновой жидкостью. Я сделал глоток. Джин, вермут, кампари. Идеальный баланс. Язык слегка онемел.

— Продолжай, — сказал я, ставя стакан на бетонную столешницу. — Метеор. Звучит угрожающе. И что ты предлагаешь? Сдаться и стать твоим филиалом?

— Я предлагаю синергию, — Чезаре произнес это слово с таким придыханием, будто это было название нового вида наркотика. — Я выкупаю ваш контрольный пакет по текущей, слегка... заниженной цене. Вы сохраняете бренд. Вы остаетесь в совете директоров. Я даже позволю вам оставить *Кастелло Сфорцеско* в качестве корпоративного музея. Вы станете «наследием». Красивой вывеской на фасаде моей экосистемы. Подумай, Марко. Ты молод. Ты сможешь тратить время на яхты, искусство, благотворительность. Зачем тебе этот стресс? Зачем тебе эта война, которую ты уже проиграл?

Я смотрел на него. И в этот момент, сквозь пелену корпоративного буллитизма и напускного мессианства, я увидел его настоящего.

Он не был стратегом. Он не был гением. Он был нарциссом.

Чезаре Борджиа не просто хотел наши деньги или нашу долю рынка. Ему было плевать на недвижимость и логистические цепочки. Ему нужно было *признание*. Ему нужно было, чтобы старый, аристократический, надменный Милан склонил голову перед мальчиком в кашемировой водолазке. Ему нужно было, чтобы я, Марко Сфорца, чье лицо смотрело на него с обложек журналов, признал его превосходство. Он хотел не просто победы. Он хотел моего унижения.

И это была его самая большая, фатальная ошибка. Потому что нарцисса нельзя победить силой. Его можно победить только его собственным отражением.

— Знаешь, Чезаре, — я медленно покрутил стакан в руке, наблюдая, как лед тает в рубиновой жидкости. — Я читал твою презентацию для инвесторов. Очень красиво. Много графиков, слова «блокчейн», «нейросети» и «децентрализованная ликвидность». Но знаешь, что я понял?

Чезаре слегка приподнял бровь. — И что же?

— Ты не метеор, — я улыбнулся, и эта улыбка была острее, чем ледяная сфера в его бокале. — Ты просто очень дорогой, очень предсказуемый алгоритм. Ты прочитал биографию Илона Маска по диагонали, купил пару подкастов про крипто-анархию и решил, что ты изобрел велосипед. Но твой велосипед, Чезаре, квадратный. И он скрипит.

Лицо Чезаре дрогнуло. Едва заметно. Микровыражение. Укол в самое больное место — в его эго.

— Твои технологии держатся на честном слове и венчурных деньгах, которые прожигаются быстрее, чем мой эспрессо, — продолжил я, не повышая голоса, наслаждаясь каждым словом. — Ты атакуешь нас, потому что твой фонд перегрет. Тебе нужна наша реальная стоимость, наши активы, наша земля, чтобы обеспечить твои виртуальные обещания. Ты не покупаешь нас, Чезаре. Ты пытаешься использовать нашу кровь, чтобы накачать свой пузырь.

Я наклонился ближе, вторгаясь в его личное пространство. От него пахло нишевым парфюмом, который пах как стерильная операционная.

— И еще одно. Ты носишь эти водолазки, чтобы казаться визионером. Но визионеры смотрят в будущее. А ты, Чезаре, смотришь только в зеркало. И знаешь, что я вижу? Я вижу

парня, который до смерти боится, что однажды утром он проснется, и окажется, что он просто обычный, скучный бухгалтер с комплексом Наполеона.

Тишина за столиком стала такой плотной, что ее можно было намазывать на тост. Чезаре смотрел на меня, и в его глазах больше не было холода. Там был огонь. Ярость. Та самая, иррациональная ярость человека, которому сказали, что его империя построена из картона.

— Ты пожалеешь об этом, Марко, — тихо, сквозь зубы произнес он. — К завтрашнему утру я обрушу ваши акции до цента. Я выкуплю ваш замок и снесу его, чтобы построить на его месте серверную ферму.

Я допил свой Negroni одним глотком. Горечь обожгла горло, оставив приятное, согревающее послевкусие.

— Посмотрим, Чезаре, — я встал, застегивая пиджак на одну пуговицу. — Но прежде чем ты будешь сносить мой замок, убедись, что твои собственные стены не сделаны из бумаги. И кстати...

Я достал из внутреннего кармана бумажник, вытащил купюру в пятьдесят евро и бросил ее на бетонный стол рядом с его нелепым бокалом с лишайником. В мире, где все платили криптовалютой или прикладывали умные часы, шорох бумажной банкноты прозвучал как пощечина.

— Сдачи не надо, — бросил я, глядя на него сверху вниз. — Купи себе водолазку с V-образным вырезом. Может, твоя шея начнет дышать, и кровь наконец прильет к мозгу.

Я развернулся и пошел к выходу, чувствуя спиной его тяжелый, ненавидящий взгляд.

Когда тяжелая дубовая дверь *L'Effimero* закрылась за моей спиной, и меня обдало влажным, пахнущим выхлопными газами и дождем воздухом миланского вечера, я выдохнул. Сердце колотилось где-то в горле, адреналин бурлил в крови, как шампанское в шейкере.

Я только что объявил войну самому опасному хищнику в городе. Я только что унизил его перед самим собой. Это было безрассудно. Это было глупо. Это было абсолютно необходимо.

Мой телефон в кармане снова завибрировал. Я достал его. Сообщение от Лео из подвала.

«Голубь сел на гнездо. Крошки собираются. У них в серверной стоит умный холодильник, который сливает нам их внутренние презентации. P.S. Дядя Людовико прав. Они идиоты».

Я улыбнулся, глядя на освещенные окна небоскребов Порта Нуова. Чезаре Борджиа думал, что он играет в шахматы с динозавром. Он не знал, что динозавр только что подключил его холодильник к Wi-Fi.

Я поймал такси. — В штаб-квартиру, — сказал я водителю, садясь на заднее сиденье. — И пожалуйста, включи что-нибудь классическое. Сегодня вечером мы будем хоронить одного мессию.

Глава 6. Армия Папарацци (Беатриче д'Эсте-Сфорца)

Мои предки, великие кондотьеры эпохи Ренессанса, нанимали швейцарских пикинеров и немецких ландскнехтов. Они платили им звонким золотом, обещали грабеж и вели их в бой под грохот барабанов. Какие же они были примитивные.

Я сидела за столом из цельного куска розового кварца в закрытом внутреннем дворе Палаццо Клеричи. Над головой, на сводчатом потолке, фрески Тьеполо изображали триумф Аполлона, а передо мной сидела моя личная, эксклюзивная, высокотехнологичная армия наемников.

Гиены в Prada. Стервятники с кольцевыми лампами.

Их было всего четверо, но этого хватило бы, чтобы разрушить репутацию среднего европейского государства до времени сиесты.

Слева от меня восседал Fabrizio «Flash» Moretti — король миланских папарацци, человек, чья способность прятаться в кустах рододендрона вызывала уважение даже у спецслужб. От него пахло дешевым табаком, дорогим объективом Leica и абсолютным отсутствием морали. Справа расположилась Кьяра, известная в сети как *Chloe_V* — инфлюенсер с четырьмя миллионами подписчиков, чье лицо было настолько перекачано филлерами, что она физически не могла хмуриться, что делало ее вечно удивленное выражение лица идеальным для реакции на чужие трагедии. Напротив сидели два близнеца-блогера, ведущих самый токсичный и читаемый анонимный Telegram-канал о светской и финансовой жизни Италии — *Il Veleno Quotidiano* («Ежедневный Яд»).

Они ждали. Они привыкли, что за подобные «закрытые обеды» им переводят крипту на холодные кошельки или вручают конверты с наличными, пахнущими чужими слезами.

Официант в белых перчатках бесшумно поставил перед каждым тарелку с ризотто, поверх которого трюфельной стружкой небрежно, словно снегом на вершине Альп, был натерт белый трюфель из Альбы. Аромат ударил в нос — тяжелый, мускусный, одурманивающий. Запах денег и власти.

— Дамы и господа, — произнесла я, элегантно беря бокал с ледяным Franciacorta. Мой голос был тихим, но в идеальной акустике внутреннего дворика он долетел до каждого уха. — Приятного аппетита. Надеюсь, вы голодны. Потому что сегодня я не буду платить вам деньгами.

Фабрицио подавился кусочком хлеба. Близнецы переглянулись, их пальцы, привычно лежащие на экранах rose-gold iPhone, замерли. Кьяра моргнула своими нарощенными ресницами, создавая легкий ветерок.

— Беатриче, дорогая, — начал Фабрицио, пытаясь напустить на себя фамильярность, которой у него не было. — Мы, конечно, любим твои вечеринки, но мой фотограф сегодня сидит в засаде у клиники эстетической хирургии, и его время...

— Фабрицио, милый, — я улыбнулась. Улыбка получилась такой, от которой, наверное, скисало молоко в капучино. — Твой фотограф может сидеть в засаде до второго пришествия, но он не получит ничего лучше, чем размытый профиль жены мэра, выходящей с липосакции. Это мелочь. Пыль. Я же предлагаю вам не пыль. Я предлагаю вам *Эксклюзив*.

Я кивнула Джулиану, который, словно тень, материализовался у стола. Он раздал каждому по тяжелому, кремовому конверту из бумаги ручной работы. Конверты были запечатаны сургучом. На сургуче красовался семейный герб Сфорца — змей, поглощающий младенца (или, согласно более поздним, политкорректным трактовкам, выплевывающий его, но мы-то знали правду).

— Деньги оставляют цифровой след, — продолжила я, наблюдая, как они с жадностью смотрят на конверты. — Деньги — это вульгарно. Деньги можно отследить, и тогда адвокаты Чезаре Борджиа засудят вас до такой степени, что вам придется продавать свои почки на чер-

ном рынке, чтобы оплатить судебные издержки. Но информация... информация, поданная под правильным соусом, — это искусство. И я даю вам рецепт.

Близнецы синхронно сломали печати. Кьяра достала свой телефон, чтобы сфотографировать содержимое для сторис, но я лишь подняла бровь, и она, испугавшись, убрала аппарат обратно в сумку Birkin.

Внутри не было компромата. Там не было фотографий Чезаре в объятиях несовершеннолетних или выписок со счетов. Там были просто вопросы. Красиво оформленные, напечатанные на плотном хлопковом картоне вопросы.

— Чезаре Борджиа считает себя мессией финтеха, — сказала я, отпивая глоток вина. Пузырьки щекотали язык. — Он чист. Он веган. Он спасает альпийских сурков. Но его фонд, *Borgia Capital*, три месяца назад получил раунд финансирования на двести миллионов евро от кипрского холдинга *Olea Nova*.

Я сделала паузу, позволяя этой информации повиснуть в воздухе, смешиваясь с ароматом трюфеля.

— И что? — спросил один из близнецов, хмурясь. — Кипрских холдингов тысячи. Это стандартная налоговая оптимизация.

— Совершенно верно, — кивнула я. — Но *Olea Nova* переводится как «Новая Олива». И если копнуть чуть глубже, в реестры, которые, к счастью, уже скопированы на флешки внутри ваших конвертов, вы обнаружите, что бенефициаром этого холдинга является некий дон Калоджеро Витти. Человек, чья фамилия в Калабрии не нуждается в представлении. Человек, чей легальный бизнес по экспорту оливкового масла в 2014 году внезапно стал самым прибыльным в регионе, аккуратно после того, как там нашли три тонны цемента с туфлями.

Тишина за столом была оглушительной. Даже Фабрицио перестал жевать.

— Беатриче... — прошептал он, и в его глазах зажегся огонь истинного, профессионального безумия. — Ты хочешь, чтобы мы написали, что *Borgia Capital* отмывает деньги калабрийской мафии? Но это же... это же клевета! Нас убьют! В прямом смысле! В моей машине уже есть дырки от пуль, и я не хочу новых!

— Фабрицио, ты оскорбляешь мой интеллект, — я вздохнула, закатывая глаза. — Я не прошу вас писать, что он мафия. Боже упаси, мы же цивилизованные люди, мы уважаем презумпцию невиновности. Я прошу вас *задавать вопросы*.

Я наклонилась вперед, опираясь локтями на розовый кварц. Теперь я дирижировала.

— Кьяра, твоя задача — эстетика. Ты не говоришь про мафию. Ты делаешь разбор гардероба Виттории Борджиа. Ты сравниваешь ее новые украшения с коллекцией, которую конфисковали у жены одного очень известного «предпринимателя» из Неаполя в прошлом году. Ты пишешь: *«Странно, что жена техно-инвестора носит винтажные кольца, которые так напоминают трофеи из полицейских хроник. Откуда у девочки такой вкус, и кто ее 'крестный отец' в мире моды?»*. Понимаешь?

Кьяра медленно кивнула, ее губы, увеличенные до размера пухлых вишен, растянулись в хищной ухмылке. — «Крестный отец моды»... О, Беатриче, это гениально. Алгоритмы ТикТока просто сойдут с ума от этого хештега.

— Именно, — я одобрительно улыбнулась. — Близнецы. Ваш Telegram-канал. Вы публикуете флешку. Вы пишете аналитический пост: *«Почему финтех-единорог пахнет оливковым маслом? Три странных совпадения в инвест-портфеле Чезаре Борджиа»*. Вы не делаете выводов. Вы просто кладете факты на стол и позволяете вашим тремстам тысячам подписчиков, среди которых, кстати, есть аналитики из Уолл-стрит и параноики из Комиссии по ценным бумагам, самим соединить точки. Человеческий мозг обожает теории заговора. Если вы скажете им, что Борджиа — мафия, они не поверят. Но если вы дадите им три факта и спросите «Что вы об этом думаете?», они сами додумают всё остальное и будут защищать эту теорию с пеной у рта.

Я повернулась к Фабрицио. — А ты, мой дорогой Флэш. Твоя задача — визуализация. Чезаре любит встречаться со своим «тихим партнером» в очень дорогом, очень закрытом ресторане *Da Vittorio*. Завтра вечером. Я знаю это, потому что мой водитель подвозил туда их сомелье. Тебе нужно снять, как Чезаре обнимает этого пожилого джентльмена. Джентльмен выглядит как типичный дон. Сделай ракурс снизу. Пусть это выглядит как сцена из «Крестного отца». Подпись под фото: «*Тайные советники миланского финтех. Кто принимает решения за спиной Чезаре?*».

Фабрицио вытер лоб салфеткой. Он был в восторге. Это была не просто грязь. Это была симфония. Это был Ренессанс в эпоху постправды.

— Беатриче, — выдохнул он. — Это... это шедевр. Но почему? Зачем тебе это? Вы же воюете на бирже.

Я откинулась на спинку стула, позволяя солнечному лучу, пробившемуся сквозь листву глицинии, скользнуть по моему платью.

— Фабрицио, милый. Биржа — это просто цифры. А репутация — это гравитация. Когда инвесторы Чезаре начнут гуглить его имя и видеть рядом слова «оливковое масло», «Калабрия» и «крестный отец», они не побегут в суд. Они просто тихо, без шума, отзовут свои заявки на участие в его следующем раунде. Его акции упадут не потому, что мы их обвалили. А потому, что рынок ненавидит неопределенность. А запах мафии — это самая токсичная неопределенность из всех возможных. Никто не хочет, чтобы их деньги пахли цементом и туфлями.

Я подняла бокал.

— За искусство инсинуации, дамы и господа. За то, чтобы правда была именно такой, какой мы ее придумаем до завтрашнего полудня.

Они подняли свои бокалы. В их глазах больше не было жадности. Там было благоговение. Они поняли, что находятся в присутствии настоящего хищника. И, что важнее, они поняли, что этот хищник только что дал им самую сочную тушу в городе.

— И еще одна маленькая деталь, — добавила я, когда звон хрусталя стих. — Если кто-то из вас решит, что Чезаре может предложить вам больше денег за молчание... помните: деньги Чезаре могут оказаться фальшивыми. А вот мое влияние в этом городе — абсолютно реально. И я знаю, где вы все паркуете свои машины. И кто сидит на пассажирском сиденье, когда ваши жены думают, что вы на работе.

Я улыбнулась им самой теплой, самой материнской улыбкой. — Приятного аппетита. Ризотто остывает.

Спустя час я выходила из Палаццо Клеричи на *Via dei Bigli*. Миланский воздух был прохладным и пах дождем и выхлопными газами *Maserati*. Мой водитель уже держал открытой дверцу моего *Maybach*.

Я села на прохладную кожу, достала телефон и открыла защищенный чат семьи.

Беатриче: Артиллерия на позициях. Залп ожидайте в 18:00. Цель будет покрыта не оливковым маслом, а дегтем.

Ответ от дяди Людовико пришел почти мгновенно. Одно слово.

Людовико: *Magnifico*.

Затем пришло сообщение от Марко.

Марко: Только что ушел от него. Ты была права, сестра. У него эго размером с Дуомо. Он думает, что он бог.

Я усмехнулась, глядя, как мой водитель аккуратно вливается в поток на *Виа Монтенаполеоне*.

Беатриче: Пусть думает, дорогой. Боги живут на Олимпе. А мы, Сфорца, живем в Милане. И здесь мы сами решаем, кому молиться, а кого приносить в жертву.

Я убрала телефон и закрыла глаза. В голове уже звучала музыка. Не эмбиент из модных баров, а тяжелые, ритмичные удары литавр. Завтра утром Чезаре Борджиа проснется и обнаружит, что его идеальный, стерильный, веганский мир внезапно начал пахнуть чесноком, порошком и старыми деньгами.

Он хотел войны? Он ее получит. Только вместо мечей мы будем использовать хештеги, а вместо яда — сплетни. И, должна признать, этот метод мне нравился гораздо больше. В конце концов, кровь так сложно отстирать от шелка, а вот репутацию... репутацию не отстирает ни одна химчистка в мире.

Глава 7. Оффшорный Оракул (Людовико «Моро» (Мавр) Сфорца)

Граница между Италией и Швейцарией — это не линия на карте. Это психологический барьер, тонкая, невидимая мембрана, отделяющая хаос страстей от стерильности капитала. Когда мой Rolls-Royce Phantom бесшумно пересек контрольно-пропускной пункт в Кьяссо, я физически почувствовал, как изменился воздух. Он стал холоднее, суше и, главное, дороже. Здесь даже птицы, казалось, щебетали с учетом налоговой ставки и банковских комиссий.

Я сидел на заднем сиденье, наслаждаясь абсолютной тишиной салона, которую не могли нарушить ни гул шин, ни мои собственные мысли. Мой водитель, Пьетро, человек, чье молчание стоило дороже, чем его зарплата, плавно вел машину вдоль берега озера Лугано. Вода была свинцово-серой, небо — затянутым низкими облаками. Идеальный пейзаж для размышлений о бренности бытия и оффшорных трастах.

Швейцария. Страна, которая изобрела нейтралитет, наручные часы и самый надежный способ прятать чужие грехи за бронированными дверями хранилищ. Я люблю Швейцарию. Здесь предательство не считается преступлением; оно считается финансовой услугой и облагается соответствующим НДС.

Мы остановились перед старинным палаццо в центре Лугано. Никаких стеклянных небоскребов, никаких неоновых вывесок. Только тяжелый камень, кованые решетки и табличка из тусклой латуни: *Banca Privata Felici*. Никакого «и сыновья». У Донато Феличи не было сыновей. Была только репутация, которую он выстраивал пятьдесят лет, и коллекция антикварных глобусов, которая, по слухам, стоила больше, чем ВВП Лихтенштейна.

Пьетро открыл дверцу, и я вышел на брусчатку. Дверь банка открылась еще до того, как я коснулся ручки. Меня встретил мажордом в безупречном фраке, чье лицо выражало ту степень почтения, которую обычно резервируют для королевских особ и людей, способных одним звонком обрушить курс евро.

— Дотторе Сфорца. Дон Феличи ожидает вас в Зеркальном кабинете.

Я кивнул, не замедляя шага. Зеркальный кабинет назывался так не потому, что в нем было много зеркал, а потому, что каждый, кто туда входил, неизбежно сталкивался с собственным отражением — и, что хуже, с отражением своих прошлых поступков.

Кабинет Донато был пропитан запахами, которые в современном мире стали анахронизмом: старая бумага, кожа переплетов, кедровое дерево и тяжелый, сладковатый дым кубинских сигар. Сам Донато сидел за массивным столом из красного дерева. Ему было за восемьдесят, но он держался так прямо, словно его позвоночник был выкован из титана. На нем был костюм-тройка из твида, который вышел из моды еще до того, как я родился, и выглядел при этом безупречно.

— Людовико, — его голос был сухим, как осенний лист, но в нем звенела сталь. — Ты стал реже навещать стариков. Я начинаю думать, что ты сменил банк.

— Донато, дорогой мой, — я подошел к столу и позволил ему пожать мою руку. Его хватка была на удивление крепкой. — Сменить банк — это как сменить религию. Слишком много бумажной волокиты, и в итоге ты все равно молишься тому же самому богу. Просто в другой позе.

Донато усмехнулся, обнажив ряд безупречных, но явно вставных зубов, и указал на кресло напротив. На низком столике между нами уже стоял хрустальный декантер с янтарной жидкостью и две пузатые рюмки.

— Арманьяк, — сказал он, разливая напиток. — 1962 год. Урожай был дождливым, виноград страдал. Поэтому вкус такой сложный. Как у хорошей мести.

Я взял рюмку, согрел ее в ладонях и вдохнул аромат. Ваниль, чернослив, табак и легкая нотка отчаяния. — За страдания, — тихо произнес я, и мы чокнулись. Звон хрустала прозвучал в тишине кабинета, как удар маленького колокольчика.

Мы молча выпили. Арманьяк обжег горло и разлился по груди приятным теплом. Донато достал из деревянного хьюмидора две сигары. Cohiba Behike. Он аккуратно обрезал кончик гильотиной из слоновой кости и протянул одну мне. Я принял ее, позволяя ему раскурить ее длинной кедровой лучиной.

Первые затяжки. Густой, сизый дым повис в воздухе, рисуя сложные узоры, которые тут же рассеивались.

— Итак, Людовико, — Донато откинулся в кресле, сложив пальцы домиком. — Ты приехал не для того, чтобы обсудить погоду над озером или урожай тосканских трюфелей. Твоя семья сейчас находится под... скажем так, легким давлением. Имя Чезаре Борджиа упоминается в финансовых сводках чаще, чем имя Папы Римского в воскресной проповеди.

— Легкое давление, Донато, это когда тебе наступают на ногу в метро, — я выпустил струю дыма в потолок, наблюдая, как она смешивается с тенями. — То, что делает Чезаре, это попытка ампутации. И мне нужно знать, кто держит скальпель. Сам Чезаре — всего лишь фасад. Красивая обложка для очень скучной книги. У него нет таких денег, чтобы скупать мои долги и вести войну на истощение. За ним кто-то стоит. Кто-то с очень глубокими карманами и очень старой ненавистью. И этот кто-то перевел средства через твой банк.

Донато медленно покачал головой, его лицо превратилось в маску скорби. — Людовико, ты знаешь правила. Швейцарская банковская тайна — это не просто закон. Это религия. Я не могу раскрыть бенефициаров фонда, даже если ты мой лучший друг. Даже если ты предложишь мне все золото Флоренции. Моя репутация...

— Твоя репутация, Донато, — мягко перебил я, — это хрустальная ваза. Красивая, дорогая, но если уронить ее на каменный пол, от нее останется только пыль и неприятные воспоминания.

Я поставил рюмку на стол и достал из внутреннего кармана пиджака тонкий кожаный конверт. Он был старым, потрёпанным по краям. Я положил его на полированную поверхность стола, прямо между декантером и хьюмидором.

Донато посмотрел на конверт. Его пальцы, державшие сигару, дрогнули. Едва заметно. Но я заметил. Я замечаю всё.

— Что это? — спросил он, и его голос потерял свою сталь, превратившись в ржавое железо.

— Это письмо, Донато, — сказал я, глядя ему прямо в глаза. — Написанное в октябре 2008 года. В самый разгар финансового кризиса. Помнишь тот год? Мир рушился. Банки лопались, как мыльные пузыри. Твой банк, *Banca Privata Felici*, был на грани банкротства из-за токсичных ипотечных деривативов. Тебе нужны были пятьдесят миллионов евро ликвидности, и они нужны были тебе к утру, иначе регулятор отозвал бы лицензию.

Донато не сводил глаз с конверта. Дым от его сигары поднимался неровными, рваными кольцами.

— И тогда твой лучший друг, граф Лоренцо ди Монтефельтро, человек, который был крестным отцом твоей покойной жены, человек, который доверил тебе управление своим семейным трастом, попросил тебя вывести его активы в безопасное место, — продолжил я, смакуя каждое слово, как выдержанный арманьяк. — Но ты не вывел их. Ты использовал его деньги, Донато. Ты подделал его подпись, перевел его капитал на свои счета, закрыл дыры в своем балансе и спас свой банк. А граф Лоренцо, обнаружив, что его семья разорена, вышел на балкон своего палаццо в Комо и сделал шаг вперед.

Тишина в кабинете стала такой плотной, что звенело в ушах. Донато не дышал.

— Официальная версия гласит, что граф покончил с собой из-за депрессии, вызванной общим кризисом, — я наклонился ближе. — Но перед смертью он написал письмо. Тебе. В котором он всё понял. В котором он проклял тебя, Донато. Письмо было отправлено с курьером. Но курьер... курьер застрял в пробке на автостраде А9. А мои люди, которые в тот день следили за твоим офисом на предмет других, менее элегантных махинаций, перехватили курьера. Просто на всякий случай.

Я постучал пальцем по кожаному конверту.

— Двадцать лет, Донато. Двадцать лет это письмо лежало в моем сейфе. Я не использовал его, потому что ты был мне полезен. Ты был моей прачечной, моим тихим каналом для перевода средств. Но сегодня... сегодня мне нужно больше, чем просто прачечная. Мне нужно имя того, кто стоит за *Borgia Capital*.

Донато медленно выдохнул. Дым вырвался из его легких, как призрак из склепа. Он посмотрел на меня, и в его глазах я не увидел ненависти. Там была только бесконечная, черная усталость человека, который двадцать лет ждал удара в спину и наконец-то его получил.

— Ты чудовище, Людовико, — прошептал он.

— Я реалист, Донато, — возразил я, беря свою сигару. — Чудовища убивают ради удовольствия. Я убиваю ради баланса. Баланс в природе — это когда хищник съедает травоядное. Баланс в бизнесе — когда шантажист получает информацию, а шантажируемый сохраняет свою жалкую жизнь и свою хрустальную вазу-репутацию. Назови мне имя. И это письмо сгорит в камине прямо на твоих глазах.

Донато закрыл глаза. Он сидел так долго, что я начал думать, не уснул ли он. Но затем он открыл глаза, и в них снова появилась та самая сталь. Сталь человека, который принял решение и перешагнул через труп своего друга во второй раз.

— Это не один человек, Людовико, — его голос был ровным. — Это консорциум. Синдикат старых денег. Они устали от твоей семьи. Вы слишком громкие, слишком амбициозные. Вы мешаете им спать. Они хотят вернуть Милан под контроль «тихих людей».

— И кто ведет этот хор тихих людей? — спросил я, не позволяя ни одному мускулу на лице дрогнуть.

Донато наклонился и прошептал одно слово. Одно имя, которое заставило даже меня, человека, выдавшего виды, почувствовать холодок, пробежавший по спине под рубашкой из египетского хлопка.

— Орсини, — выдохнул он. — Римские Орсини. Они объединились с несколькими ватиканскими фондами и суверенным фондом одного очень обиженного эмирата. Чезаре Борджиа — просто их наемный клоун. Лицо для прессы. Но кошельки... кошельки принадлежат Орсини. Они хотят не просто поглотить *Sforza Holdings*. Они хотят стереть ваше имя из истории Милана. Они хотят, чтобы ваш замок стал музеем, а ваша семья — сноской в учебнике по корпоративному праву.

Я медленно откинулся в кресле. Орсини. Старые папские волки. Семья, с которой мы враждовали еще в пятнадцатом веке, когда они травили наших предков мышьяком, а мы в ответ отравляли их колодцы чумными тряпками. Я думал, они давно выродились, превратившись в беззубых аристократов, коллекционирующих гобелены. Оказывается, нет. Оказывается, они научились пользоваться хедж-фондами.

— Орсини, — повторил я, пробуя это имя на вкус. Оно было горьким, как плохой эспрессо. — Ну что ж. По крайней мере, это объясняет их вульгарную тактику. У римлян никогда не было вкуса к элегантным интригам. Они всегда предпочитали грубую силу и много денег.

Я встал, аккуратно стряхивая пепел с сигары в хрустальную пепельницу. Затем я взял кожаный конверт со стола. Донато напрягся, его глаза следили за каждым моим движением.

Я подошел к камину, где тлели угли, и бросил конверт в огонь. Сухая кожа и старая бумага вспыхнули мгновенно. Мы молча смотрели, как пламя пожирает предсмертную муку графа Лоренцо, превращая ее в черный, ломкий пепел.

— Сделка закрыта, Донато, — сказал я, не оборачиваясь. — Твоя ваза цела. Постарайся больше не ронять ее. И... спасибо за арманьяк. Урожай 62-го года действительно был выдающимся.

Я направился к двери. Уже взявшись за латунную ручку, я остановился и посмотрел на старого банкира, который сидел в кресле, каменный и неподвижный, как одна из его антикварных статуй.

— Знаешь, Донато, — тихо произнес я. — Граф Лоренцо был прекрасным человеком. Но он был плохим бизнесменом. Он верил в дружбу. А в нашем мире дружба — это просто кредит, который рано или поздно приходится возвращать. С процентами.

Я вышел из Зеркального кабинета, оставив его наедине с дымом, тишиной и призраками, которые теперь никогда его не покинут.

Когда Phantom снова плавно катил вдоль озера Лугано, направляясь обратно к итальянской границе, я достал свой телефон и набрал сообщение Марко.

«Враг идентифицирован. Это Орсини. Готовьте замок к осаде. И скажи Беатриче, чтобы она достала из гардероба свои самые ядовитые платья. Мы едем в Рим».

Я убрал телефон и закрыл глаза. Война только начиналась. И, должен признать, мне это нравилось. В конце концов, нет ничего лучше, чем старая, добрая, кровавая вендетта, упакованная в современные корпоративные стандарты. Ренессанс, как я и говорил, никуда не ушел. Он просто сменил костюм.

Глава 8. Юристы-Ниндзя (Марко Сфорца)

Война — это не только взрывы, перестрелки и эпичные речи на фоне горящих знамен. Иногда война — это тошнотворный гул люминесцентных ламп, запах дешевого тонера для принтера и вид линолеума, который не мыли с момента введения евро.

Мы сидели в салоне черного Mercedes Sprinter с тонированными стеклами, припаркованного на обочине унылого бизнес-парка на южной окраине Милана. Здание перед нами, «Centro Direzionale Padiglione», выглядело так, будто архитектор, проектировавший его, находился в состоянии глубокой клинической депрессии и ненавидел человечество. Серый бетон, узкие окна-бойницы и парковка, где царили законы дикого запада.

Именно здесь, в офисе 402, располагалась *Olea Nova Logistica S.r.l.* — та самая «Новая Олива», через которую, как мы теперь знали благодаря дяде Людовико и его швейцарскому оракулу, текли грязные деньги консорциума Орсини и фонда Чезаре Борджиа.

— Марко, я должен еще раз подчеркнуть, что это незаконно, — нервно пиццел Аввокато Росси, поправляя очки, которые съезжали по его вспотевшему носу. Он прижимал к груди кожаный портфель, словно тот мог защитить его от пуль или, что еще страшнее, от дисциплинарного комитета коллегии адвокатов. — У нас нет ордера на выемку документов. У нас нет постановления суда. Мы просто... мы просто вламываемся в чужой офис!

— Аввокато, расслабься, — я поправил манжеты своего пиджака, проверяя, идеально ли сидит запонка. — Мы не вламываемся. Мы проводим экстренный, превентивный форензик-аудит в рамках защиты интересов миноритарных акционеров.

— Это взлом!

— Это *стратегический аудит*, — поправила его Сильвия.

Сильвия была нашим главным криминалистом по финансовым махинациям. Тридцать пять лет, стрижка каре, острая как бритва, и взгляд, способный заморозить ад. Она носила костюм от Armani и туфли на шпильке, которые, я подозревал, были заточены и могли использоваться как скрытое оружие. В ее руках находился не лом, а тяжелый титановый кейс с оборудованием для клонирования жестких дисков. Сильвия не взламывала сейфы. Она взламывала балансовые отчеты, что было гораздо кровавей.

— Слушайте меня внимательно, команда, — я повернулся к ним, включая режим генерала перед битвой. — По данным Лео, серверная *Olea Nova* не подключена к внешнему интернету. Воздушный зазор. Все черные книги, реестры бенефициаров и переводы на Кипр лежат на локальном сервере и в физических папках в кабинете директора. Через два часа сюда придут «чистильщики» Орсини и превратят этот офис в пепел с помощью промышленного шредера и канистры бензина. У нас есть ровно сорок пять минут, чтобы забрать наше наследие.

Я скомандовал: «Выдвигаемся», и мы вышли из фургона.

Миланский полдень плавился в мареве выхлопных газов. Мы подошли к стеклянным дверям бизнес-центра. На входе, за пуленепробиваемым стеклом, восседал Cerberus — охранник по имени Кармине. Судя по его габаритам и шраму на щеке, в прошлой жизни он выбивал долги в Неаполе, а в этой — скучал, разгадывая кроссворды в *La Gazzetta dello Sport*.

— Добрый день, — произнес я, одаривая его улыбкой с обложки Forbes. — Мы из *Sforza Holdings*. Проводим плановую проверку нашего совместного предприятия *Olea Nova*.

Кармине медленно поднял глаза от кроссворда. Он посмотрел на мой костюм за пять тысяч евро, на Сильвию, похожую на наемную убийцу из шпионского триллера, и на дрожащего Росси.

— Без записи в журнале и пропуска от администратора не пушу, — басом сказал Кармине. — И вообще, у них сиеста.

В этот момент из боковой двери, ведущей в административный офис, вышла Синьорина Пина. Это была женщина, чья душа в конце девяностых была заменена на шкаф для архивирования. На ней была блузка с жабо и выражение лица, говорящее о том, что она лично ненавидит радость, солнце и спонтанность.

— В чем проблема, Кармине? — проскрипела она.

— Синьорина Пина, — Росси шагнул вперед, пытаясь придать своему голосу авторитетности, но получился звук, похожий на сдавленную резиновую уточку. — Мы представители мажоритарного... то есть, заинтересованного партнера. Нам необходимо срочно пройти в офис 402 для изъятия документации по форме... э-э...

Пина посмотрела на него поверх очков, которые висели у нее на кончике носа. — Для прохода на территорию частного арендатора в нерабочее время вам необходимо заполнить Форму 4-Б. В двух экземплярах. Синей ручкой. С мокрой печатью вашей компании и нотариальным заверением подписи директора. У вас есть Форма 4-Б?

Росси побледнел. — Синьорина, это экстренная ситуация! Счет идет на минуты! Мы можем потерять миллионы!

— Миллионы вы можете потерять в казино, молодой человек, — отрезала Пина. — А в «Centro Direzionale Padiglione» вы потеряете только время, если у вас нет Формы 4-Б. Таков регламент.

Я закрыл глаза и глубоко вздохнул. Макиавелли писал, что государю лучше, чтобы его боялись, чем любили. Но Макиавелли, очевидно, никогда не пытался пройти мимо итальянского бюрократа в час сиесты. Против этой силы были бессильны и страх, и деньги. Эта женщина была неуязвима, потому что ей было всё равно. Она была воплощением энтропии.

Логика здесь не работает. Законы не работают. Нужна была тяжелая артиллерия. Нужно было говорить с ними на языке, который превосходит любые корпоративные уставы. На языке углеродов.

Я достал телефон. — Сильвия, сколько у нас времени до приезда чистильщиков? — Тридцать две минуты, — отчеканила она. — Хватит.

Я набрал номер Дженнаро, владельца лучшей, самой аутентичной и наглой пиццерии в Милане, где тесто созревает сорок восемь часов, а моцареллу привозят на рассвете из Кампани. — Дженнаро, друг мой. Мне нужно пять пицц. Две «Маргариты» экстра, с базиликом. Две «Дьяволы» с острой салями из Калабрии. И одну «Четыре сыра» с трюфельным медом. Да, в бизнес-парк. К черному Спринтеру у третьего подъезда. У тебя есть ровно двенадцать минут. Если опоздаешь, я куплю твое здание и сделаю там веганскую столовую. *Grazie*.

Я убрал телефон и повернулся к Пине и Кармине, сменив тактику. Я оперся локтями на стойку ресепшена, вторгаясь в личное пространство бюрократа, и понизил голос до доверительного баритона.

— Синьорина Пина, Кармине... Я понимаю. Регламент — это святое. Форма 4-Б — это основа цивилизации. Без нее мы скатимся в варварство. Но позвольте задать вам один вопрос, который мучает меня уже много лет.

Пина нахмурилась, не ожидая такого поворота. — Какой вопрос?

— Неаполитанская или римская? — спросил я, глядя прямо ей в глаза.

Кармине оторвался от кроссворда. В его глазах вспыхнул огонь. — В смысле?

— Пицца, Кармине! — я всплеснул руками, изображая искреннее, итальянское отчаяние. — Весь мир сошел с ума! Они кладут на пиццу ананасы! Они делают тесто бездрожжевым! Они, прости Господи, *замораживают* ее! Я только что вернулся из командировки, и мой деловой партнер из Борджиа Капитал, этот... этот выскочка Чезаре, сказал мне, что римская пицца на тонком тесте — это элегантно. А неаполитанская, с пышными бортиками, это, цитирую, «еда для бедных».

Кармине ударил кулаком по стойке. — Этот твой Борджиа — идиот! Римская пицца — это сухарь! Это картон! Настоящая пицца — это Неаполь! Тесто должно дышать! Бортик должен быть мягким, как щека младенца!

— Именно! — подхватил я, поворачиваясь к Пине. — А вы, Синьорина Пина? Вы выглядите как женщина, которая ценит традиции. Вы же не станете есть этот римский хрустящий кошмар?

Пина поправила жабо, и на ее лице появилось выражение глубокого, экзистенциального презрения. — Мой дед был из Салерно. Если пицца хрустит, значит, ее пережгли. Тесто должно уступать зубам, а не ломаться, как... как этот ваш регламент, — она осеклась, но было поздно. Лед тронулся.

В этот момент стеклянные двери распахнулись, и в холл ворвался курьер с огромными термо-сумками. От него повеяло раем. Аромат запеченного теста, томатов Сан-Марцано, расплавленного буйволиного сыра и острой салями ударил в нос, перекрывая запах дешевого тонера и бюрократической тоски.

— О, кстати, — я небрежно махнул рукой. — Я заказал обед. Но, боюсь, мой юрист Росси, — я кивнул на Аввокато, который смотрел на пиццу с голодным ужасом, — на диете. Он не ест после двенадцати. А я, к сожалению, должен срочно ответить на звонок из совета директоров. Кармине, Синьорина Пина... не окажете ли мне честь помочь мне уничтожить эти доказательства моей слабости? Я не люблю, когда еда остывает. Это грех.

Кармине уже тянулся к сумке. Пина, оглядевшись по сторонам, кивнула и указала на маленький столик в углу холла, где обычно пили кофе.

Через три минуты они уже сидели за столом. Кармине с закрытыми глазами жевал кусок «Дьяволы», а Пина, аккуратно промокая губы салфеткой, доказывала ему, что трюфельный мед на сырной пицце — это не кощунство, а эволюция вкуса. Они были полностью поглощены теологическим спором об итальянской кухне. Форма 4-Б была забыта. Регламент был съеден вместе с корочкой.

Я чуть кивнул Сильвии. Она, словно тень, скользнула мимо стойки ресепшена, направляясь к лифтам. Росси, тяжело сглотнув, последовал за ней, прижимая к груди портфель.

Я остался в холле, выступая в роли щита и отвлекающего маневра. — А что вы думаете о ананасах, Синьорина Пина? — спросил я, подливая ей воды из графина. — Чезаре Борджиа говорил, что сладость фрукта оттеняет соленость ветчины...

Пина поперхнулась куском моцареллы. Ее глаза метнули молнии. — Чезаре Борджиа?! Тот мальчик в водолазке?! Если он ест пиццу с ананасами, то он не просто враг Италии, он враг Бога! Кармине, запиши его номер машины, если он приедет, мы проколем ему шины!

— Обязательно, Синьорина, — я улыбнулся, чувствуя, как адреналин смешивается с триумфом. — Я лично прослежу, чтобы его лишили водительских прав.

Ровно через двадцать восемь минут лифт тихо звякнул. Из него вышли Сильвия и Росси. Сильвия несла свой титановый кейс, который теперь весил на пару килограммов больше за счет клонированных серверных стоек. Росси нес две тяжелые картонные коробки с надписью «Архив 2023-2024. Не кантовать». Его лицо было красным, но в глазах горел безумный огонь человека, который только что нарушил закон и выжил.

— Аудит завершен, — громко сказал я, обращаясь к Пине. — Спасибо за гостеприимство. И помните: никакая Форма 4-Б не заменит хорошего теста.

Мы вышли на улицу, в жаркие миланские объятия. Двери бизнес-центра закрылись за нами, отрезая гул ламп и запах дешевого кофе.

Как только мы сели в Спринтер, Сильвия открыла кейс и достала флешку. — Сервер скопирован. А в коробках... Марко, это не просто черная бухгалтерия. Это физические договоры аренды ячеек в швейцарских банках, подписанные самим Чезаре. И, кажется, список взятков,

которые они давали чиновникам из мэрии для получения разрешений на строительство их серверных ферм.

Росси вытирал лоб платком, его руки дрожали, но на губах играла нервная, восторженная улыбка. — Мы... мы их ограбили. Мы буквально их ограбили. Моя лицензия...

— Твоя лицензия в безопасности, Авvocato, — я похлопал его по плечу, забирая у него одну из коробок. — Потому что юридически мы просто «спасли документы от пожара». А то, что пожар еще не начался... это детали хронологии.

Мой телефон вибрировал. Сообщение от Лео. *«Птичка на проводе. Вижу, вы разжились физическими носителями. Везите в бункер. У меня для вас сюрприз. И, кстати, вы пахнете салями».*

Я рассмеялся, откидываясь на спинку сиденья. От меня действительно пахло салями, трюфельным медом и абсолютной, безоговорочной победой.

— Везем в Замок, Пьетро, — сказал я водителю через перегородку. — И заедем за хорошим кьянти. Сегодня вечером мы будем читать чужие дневники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.